

http://www.smotr.ru/rez/rigol_no/rigo01.htm?ysclid=lnxfhuyf5x556214506

21 декабря 2000 года *Петр Поспелов*

Шедевр в оперном подполье

Премьера "Риголетто" Верди в "Новой опере"

Обычному меломану попасть на премьерные спектакли не светило: билеты стоили от тысячи до пяти тысяч рублей, но лишь самые дорогие места на премьере пустовали. Театр "Новая опера" популярен - а тут еще в двух премьерных спектаклях заглавную партию спел Дмитрий Хворостовский. Событие грозило оказаться в ряду светски-рекламных. Между тем оно стало музыкальным событием мирового уровня.

В том, что Евгений Колобов - один из крупнейших оперных дирижеров наших дней, не сомневались даже те, кто ставил ему в вину волюнтаристские редакции классических опер, даже те, кто начинал верить, что маэстро разлюбил музыку и мстит ей за что-то, разворачивая на ее месте доморощенные литературные концепции, приглашая наиболее антиоперных режиссеров и ревниво выгоняя лучших певцов. Возможно, Колобов еще не раз заставит своих поклонников досадливо почесать в затылке. Но сегодня - их день.

В своем оперном подполье, защищенном от ветров мировой цивилизации, Колобов сотворил шедевр. Хозяин театра, он наконец обратил свою власть не в прихоть, а в подлинную силу. Мы услышали не искромсанный фарш, а настоящую оперу Верди - от начала до конца без единой купюры - и вспомнили, что такое вердиевский оперный театр - со страстями, слезами, нежностью, коварством и человеческим чудом пения, которое одно лишь и способно вобрать в себя все существо драмы.

Не будь упоительной музыки, спектакль "Риголетто" не явился бы откровением. Правда, финский режиссер Ральф Лянгбака сделал грамотную мизансценическую разводку и детально выстроил роли. Но вот декорации Леннарта Мерка, отслужившие свое на фестивале в Савонлинне, как и маскарадные костюмы, смотрелись устаревшим провинциальным шиком.

Появление в афише звездного имени Дмитрия Хворостовского еще ничего не гарантировало. Его имидж современного респектабельного джентльмена не вязался с историей мстительного горбуна, а голос, холеный, но не сильный, казалось, совсем не шел этой драматической партии. Однако интерес к роли возобладал: Хворостовский словно переродился, отдавшись театру с головы до ног, - хромал что есть мочи, тискал в объятиях несчастную дочь, цепным псом бросался на гнусных придворных, падал ниц, пораженный проклятьем. И не пожертвовал профессионализмом: его вокализация была отменно чиста, краски выверены, форсировка незаметна; нашлись резервы и для яростных кульминаций.

Между тем Хворостовский не превратил выступление в бенефис, а оказался внимательным старшим партнером - к лучшим местам спектакля стоит отнести его дуэты с Екатериной Сюриной, впервые вышедшей на большую сцену и чудесно спевшей любящую самоотверженную Джильду. Молодым певцам опасно предрекать будущее: надо надеяться, что к своему вокальному дару, чуткому слуху и сценическому обаянию нынешняя дебютантка прибавит несколько высоких нот и мелодизм итальянского произношения. Другие певцы достойно вписывались в ансамбли, где идеально слышался и каждый участник, и целое. Хор "Новой оперы" был на высоте, а оркестр, ведомый Колобовым, звучал с таким театральным блеском, словно прилетел на машине времени из эпохи Тосканини.

Нельзя предсказать, сохранит ли Колобов свой пыл, а спектакль - свой вокальный уровень, когда на смену Хворостовскому придет другой певец. Пока же ясно одно: великолепная работа, в которой сошлись черты мирового оперного истеблишмента, ползучей провинции и убежденного андерграунда, не оказалась достоянием широкой публики.